

**РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ
В КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

Рассматриваются новые достижения, полученные при исследовании палеолита и неолита учеными из Корейской Народно-Демократической Республики за период 2006–2011 гг. В последнее время корейскими археологами был получен в результате раскопок и проанализирован ряд новых данных по каменному веку. Такие памятники, как позднепалеолитическая стоянка Пусибависан в провинции Хамгён-пукто на севере страны, неолитические слои поселения Пхёдэ в районе Пхеньяна и ряд других, дали богатый материал по каменному веку Кореи. Это палеолитические орудия и заготовки, впервые обнаруженная в Корею керамическая печь неолитического времени, остатки жилищ, разнообразный керамический материал. Находки и исследования последних лет способствовали расширению наших знаний не только о жизнедеятельности человека среднего и позднего палеолита в Корею, уточнению сравнительных датировок поздненеолитических памятников в бассейне р. Тэдонган, в территориальном районировании корейского неолита и определению границ между основными культурными типами, но и об их связях с памятниками каменного века Российского Дальнего Востока, такими как Устиновка, Громатуха, Бойсмана, Кроуновка и др. Анализируются основные итоги работы корейских археологов в последние годы, и представлен материал для исследований работающим в соседнем с Корейским полуостровом регионе российским ученым.

Ключевые слова: Корея, Приморье, Северо-Восточный Китай, палеолит, неолит, Тэдонган, Пусибависан, Пхёдэ, Намгён, бойсманская культура.

Каменный век Корейского полуострова имеет органическое продолжение на территории Дальнего Востока, что особенно хорошо видно на примере неолита Приморья, на который распространяются неолитические культуры Кореи. Поэтому изучение корейской археологии российскими учеными представляет собой вопрос не праздного любопытства. Оно важно для понимания культур, прежде всего Приморья, а также других районов Дальнего Востока. Это хорошо понимал А. П. Окладников, который затрагивал проблемы археологии Кореи, обращаясь к тематике Приморья, в частности привлекая материал памятника Одонри [1963]. В СССР подробный очерк археологии Кореи был написан М. В. Воробьевым

[1961], археологию Кореи изучали А. П. Деревянко [1983; 1986], В. Е. Ларичев [1976; 1978].

С этого времени археологическая наука в Корейской Народно-Демократической Республике прошла путь значительного развития, однако в исследованиях российских ученых новые достижения корейских коллег не отражаются, в то время как корейские археологи хорошо знакомы с основными новыми работами по доисторическому прошлому Сибири. Цель данной статьи – хотя бы отчасти восполнить этот пробел и проанализировать наиболее важные результаты археологических работ в Народной Корею в период 2006–2011 гг. Настоящая статья имеет следующие задачи: определить осо-

бенности развития археологии в КНДР на современном этапе, последовательно выделить и проанализировать основные находки в области палеолита и неолита в последние годы, определить их значение для понимания особенностей каменного века в этой стране.

Прежде чем обратиться собственно к исследованиям каменного века в Корее, следует отметить некоторые общие черты корейской археологии. Она фактически начала развиваться только после освобождения от колониального господства Японии. Японских ученых интересовало не прошлое корейцев, а лишь те отдельные археологические памятники, которые были связаны с письменной историей Японии. Систематического обследования территории не проводилось, поэтому археологические исследования и структуру охраны памятников приходилось создавать буквально с чистого листа. Тем не менее уже меньше чем через год после освобождения страны по решению Президента Ким Ир Сена были созданы органы по проведению археологических раскопок, регистрации и охране памятников культуры, приняты первые законы по их охране [История нашей партии..., 2010. С. 2–3]. Уже 1 декабря 1945 г. был основан Центральный исторический музей Кореи (рис. 1), а в 1946 г. – Университет им. Ким Ир Сена (рис. 2), который начал не только подготовку кадров археологов, но и проведение раскопок. В декабре 1952 г. была основана Академия общественных наук КНДР, при которой в следующем году создан нынешний Институт археологии АОН КНДР [Под знаменем..., 2007].

Большую роль в развитии археологической науки в КНДР сыграл личный интерес Ким Ир Сена к археологическому прошлому страны [История нашей партии..., 2010. С. 2]. Он посещал археологические памятники и внимательно изучал найденные на них предметы, как и предметы, хранящиеся в музеях. Ким Ир Сен писал: «Исторические памятники и их инвентарь – сокровища нации, через которые передается культурное наследие» (Ким Ир Сен. ПСС. Т. 40. С. 310; цит. по: [Ким Гвань Чхор, 2008. С. 10]). На археологические раскопки и фундаментальную науку корейское государство выделяет бюджетные средства, регистрация, охрана памятников и подготовка персонала поставлены на государственную основу.

В Южной Корее, по мнению северокорейских авторов, археология носит описательный характер, практически отсутствует собственная теоретическая археология, до сих пор сохраняют влияние довоенные японские теории [Чан У Чжин, 2009а], в то время как в КНДР все старые теории были пересмотрены. От корейских археологов требуется не просто описание памятников, но и их самостоятельный анализ не только с точки зрения особенностей культур, но и исторического процесса в целом. Институт археологии определяет «партийность, классовость, историзм» как необходимые черты методологии археологического исследования [Встретим 60-ю годовщину..., 2008. С. 3]. От археолога требуется выявлять черты класса, эпохи, страны. Археологическая работа представляется как неотъемлемая часть взаимосвязанного процесса: раскопки, анализ материала, оценка и исследование. Большое внимание уделяется взаимодействию со смежными дисциплинами – геологией, биологией, химией, внедрению новых технических методов, таких как урановые датировки, сейсмическое обследование местности и др. [Там же. С. 2–3].

В изучении палеолита в Корее в последние годы следует отметить полевую работу корейских археологов в северных провинциях страны, изобилующих горами и пещерами, и в устье р. Тэдонган в районе Пхеньяна. В северных районах исследованы каменные орудия памятника около дер. Сохсонъри в провинции Хамгён-пукто. Ранее здесь уже были найдены окаменелые останки человека (так называемый «хвэдэский человек») [Чан У Чжин, 2009б. С. 112–116]) и каменные орудия среднего палеолита. В последние годы в округе проведены разведки, в результате которых найдена стоянка у горы Пусибависан. Здесь обнаружены палеолитические орудия и заготовки. Среди каменных орудий присутствуют скребки, колющие орудия, рубила, резцы, шила, лезвия, нуклеусы и полузаготовки [О Хэ Нам, 2010. С. 10. Рис. 1]. Техника производства каменных орудий хотя и обнаруживает некоторые специфические особенности (например, особенно много режущих), но, в целом, найденные орудия палеолита являются типичными для Кореи, обнаруживая сходство с материалом Мандалли, Сохкжанри в Корее, а также с Устиновкой и Громатухой на Дальнем Востоке и рядом

Рис. 1. Центральный исторический музей Кореи (фото автора)

Рис. 2. Университет им. Ким Ир Сена (фото автора)

памятников в Северо-Восточном Китае. По времени стоянку Пусибависан предлагается считать близкой к Мандалли и Сокчанри, т. е. датировать 20–17 тыс. л. н. [О Хэ Нам, 2010]. Безусловно, обнаружение этой стоянки можно назвать одним из важнейших открытий, сделанных в последнее время в Корее.

Большое значение имеет и продолжающееся исследование памятника среднего палеолита Тэхёндон [Чан У Чжин, Чу Хак Сонь, 2009]. Он был назван так по имени квартала в районе Рёкпхо г. Пхеньян. Там найдены ископаемые остатки черепной коробки человека, названного рёкпхоским, флоры и фауны. Черепные кости рёкпхоского человека имеют особенности палеоантропа [Ли Сун Чжин и др., 2001. С. 16–17; Чан У Чжин, Чу Хак Сонь, 2009. С. 3]. В последнее время проводился видовой анализ окаменелых костей животных, обитавших в Корее в период 73–40 тыс. л. н., что соответствует этапу архантропа. Тем не менее Чан У Чжин и Чу Хак Сонь определяют ряд видов как существующих на границе двух эпох и определяют, что они вполне сосуществовали с ранними палеоантропами [2009. С. 5].

Основной особенностью неолитических культур Кореи является тот факт, что они выходят далеко за границы современной территории страны – в пределы нынешних Китая и Приморья. На основе сопоставления памятников неолита этих трех соседних регионов Азии ареал неолитической культуры древних корейцев определяется как Корейский полуостров, ряд районов Северо-Восточного Китая и южная часть Приморского края [Со Гук Тхэ, 2006].

Неолитическая культура самого полуострова в целом гомогенна, но в ней можно выделить три региональные подкультуры – «унха», «мисон» и «сопхохан». «Унха» локализуется в южной части Кореи, включая Чечжудо и иные острова, «мисон» – в северо-западной части полуострова, выходя за его пределы на северо-восток нынешнего Китая. Формы и орнаменты керамики этой подкультуры обнаруживают близкое сходство с керамикой культуры «синьлэ» на Ляодунском полуострове, включая сам памятник Синьлэ и слои первого периода в Сяочжужушань [Хан Ын Сук, 2010]. В то же время наличие ямных захоронений внутри ряда поселений в западной части Ляодуна – особенность, не характерная для «мисон»;

имеется и ряд иных отличий [Со Гук Тхэ, 2006; 2009; Ко Ёнь Нам, 2008], позволяющих отделить эти две культуры друг от друга. Таким образом, западную границу подкультуры «мисон» можно, примерно, ограничить течением р. Ляохэ. На севере характерные особенности «мисон» доходят до нынешних китайских провинций Гири и Хэйлуцзян, ограничиваясь с севера течением р. Сунхуацзян. В частности, памятники Бэйхунцзуйцзы и Яохунцзуйцзы, расположенные в районе г. Чанчунь провинции Ляонин (здесь были найдены следы жилищ, керамика и рабочие инструменты, прежде всего из камня, которые на основе сравнения с другими памятниками неолита в провинции Гири можно датировать V тыс. до н. э.), также показывают ряд характерных черт подкультуры «мисон» [Ли Чу Хён, 2008].

Подкультура «сопхохан» занимает северо-восточную часть Корейского полуострова, а ее западная граница доходит до Приморского края. Как показывает керамический материал Зайсановки-1, Бойсмана-2, Кроуновки, Черниговского, Анучино-14 и некоторых других памятников южного Приморья (в основном района залива Петра Великого), их можно включать в ареал этой подкультуры; в то же время культура северного Приморья совершенно отлична от «сопхохана». Особенно характерна близость Сопхохан IV и Зайсановки-1. Северный ареал подкультуры «сопхохан» включает в себя также южную часть китайской провинции Хэйлуцзян и северо-восточную часть провинции Гири [Со Гук Тхэ, 2006; Чжонь Бонь Чхан, 2011]. Керамика Южной, Западной Сибири и Восточного Урала (Зауралья), напротив, далека от Кореи по стилю. Орнаменты неолита Сибири гораздо однообразнее по видовому составу, причем широко распространенный в керамике Кореи и характерный для всех периодов неолита елочный узор в Западной и Южной Сибири присутствует изредка только на начальном этапе. Отличаются и процессы изменения орнаментов по периодам, техника их нанесения. Количество орнаментированной керамики в Сибири особенно высоко в более позднее время, несмотря на видовое однообразие, что является прямо противоположным неолиту Кореи, где на позднем этапе особенно высокой становится доля керамики с гладкой поверхностью [Чан У Чжин, 2006; Ро Чхор Су, 2008; 2010а; 2010б].

Интересно, что практически те же результаты, что и керамика, дает и анализ каменных, костяных и керамических бус. Являвшиеся одним из наиболее часто встречаемых украшений, бусы в Корее были найдены на неолитических памятниках Сопхохан I–V, Кымханри II, Масанри, Нонпхо, Мисонри I и ряде других. Особенно много их на памятнике Сопхохан III, где бусы изготавливались из зубов животных, мрамора, глины и имели прямоугольную, полукруглую, цилиндрическую и иные формы, с отверстиями (в зубе зверя отверстие проделывалось в корне). При сравнении бус Кореи и неолитических материалов Ляонина с более отдаленными культурами – из провинции Хэйлуцзян и северного Приморья, обнаруживаются значительные различия. Так, в руднинской культуре (памятники Чертовы Ворота, Кондон, Устиновка VIII) они имеют сходство с бусами корейского неолита, но если в Корее преобладают прямоугольные и цилиндрические формы, то в Приморье – шарообразные, а прямоугольных и цилиндрических сравнительно мало. Точно так же отличаются от корейских и бусы Хэйлуцзяна. Ясно, что бусы неолитической культуры корейцев (Корея, Ляонин и др.) имеют отличное от северных регионов происхождение [Хан Ын Сук, 2007].

Результаты археологического разграничения культурных ареалов совпадают и с данными антропологии. Здесь большую роль играет анализ человеческих костей неолитического времени с памятника Бойсманна-2 в Приморье [Ким Сонъ Ир, 2006; 2008; 2009]. Метрическая характеристика костей мужчин показывает, что, несмотря на небольшие различия в лицевой части (форма носа, более близкая к северным, в частности эскимосским народам), в целом антропологические характеристики бойсманца полностью совпадают с данными неолитического (район Пхеньяна) и современного корейца.

Таким образом, ареал проживания корейцев в неолите охватывал не только Корейский полуостров и Северо-Восточный Китай, но и южную часть Приморья [Там же], что согласуется с данными археологии [Попов и др., 1997]. Отмеченная особенность территориального распределения корейского неолита делает крайне необходимым дальнейший подробный анализ материала из Приморья и Северо-Восточного Китая, а

также его сопоставление с данными раскопок в Корее.

Большое значение для относительных датировок корейского неолита в целом и для культуры бассейна р. Тэдонган в частности имеют продолжающиеся раскопки памятника Пхёдэ у с. Хонамри в районе Самсок г. Пхеньяна [Пак Чхор 2007; 2008; 2009], расположенного недалеко от другого важного памятника этого периода – Намгён, раскопанного в 1979–1981 гг. и ставшего ключевым для позднего неолита бассейна р. Тэдонган [Ким Ёнь Ган, Сок Гванъ Чжун, 1984].

Стоянка Пхёдэ имеет слои, относящиеся к среднему и позднему неолиту и бронзовому веку. В результате раскопок в течение нескольких полевых сезонов [Пак Чхор, 2011. С. 29] было изучено более ста жилищ, найдено большое количество каменного и костяного инвентаря, керамики. В Пхёдэ впервые в Корее открыта керамическая печь неолитического периода [История нашей партии..., 2010. С. 4] и ямы, наполненные в основном керамическим материалом. Две такие ямы были найдены в раскопе № 7, одна – в юго-западной части раскопа (№ 1), вторая – в северо-восточной, рядом с керамической печью [Пак Чхор, 2009. С. 43. Рис. 2]. Обе ямы имеют около 1–3 м в диаметре и глубину до полуметра. Заполнены осколками керамики и каменными орудиями. Керамическая печь достигает 7 м в длину. Ямы и печь относятся к позднему неолиту [Там же]. На этом же раскопе были найдены и следы неолитических жилищ, которые имеют овальную форму и размеры по 4–6 м в длину и ширину [Пак Чхор, 2008. С. 6. Рис. 1]. В жилищах найдены керамика и каменные орудия [Там же. Рис. 3–4].

Как показывает материал из Пхёдэ, Ричхонри и иных памятников, жилища в северо-западном районе Кореи в неолитический период имели овальную форму [Чи Хва Сан, Ри Мёнъ Чхор, 2009; Хванъ Чхор Мин, 2010. С. 42; Ким Гванъ Хёк, 2009]. Их размеры в длину и ширину 2,2–7,6 м. Жилища заглублены в землю на 30–50 см. Инвентарь состоит из керамики и каменных орудий.

При раскопках памятника Пхёдэ найдена керамика переходной формы – от сосудов со скругленным дном к круглодонным последующего периода. Подробный анализ форм и орнаментов показал преемственность керамики периодов неолита и ранней бронзы

в районе Пхеньяна и дал возможность определить временные соотношения разных слоев трех наиболее значительных неолитических памятников Кореи – Пхёдэ, Кымтхапри и Намгён [Хан Ын Сук, 2008].

По орнаментам на керамике удалось установить относительную датировку слоев памятника Ричхонри, первый период которого оказался соответствующим третьему Читхапри, а второй – между первым и вторым периодами памятника Намгён; следовательно, оба этапа Ричхонри относятся к позднему неолиту [Чи Хва Сан, Ри Мён Чхор, 2009], т. е. ко второй половине V – первой половине IV тыс. до н. э.

Полученная при раскопках Пхёдэ керамика позволила определить датировку и ряда памятников в других районах Кореи, за пределами бассейна р. Тэдонган, сделав его эталонным для построения относительной хронологии неолитического периода. Так, в частности, керамика из черной глины из провинций Хамгён-намдо и Янгандо обнаруживает сходство с материалом из Пхёдэ и датируется вторым периодом памятников Намгён и Пхёдэ, т. е. самым концом неолита и началом бронзового века (периода круглодонной керамики) [Ким Гвань Хёк, 2009].

Исследование температуры обжига и состава глины неолитической керамики Кореи по периодам показывает преемственность и поступательность в развитии ее производства. Проведенный в последние годы систематический анализ материала, начиная от раннего (Читхапри, Сочжонри), включая средний (Сочжонри, Кымтхапри, Читхапри, Пхёдэ), и до позднего (Намгёнри, Пангунри, Кымтханри, Сочжонри, Ричхонри, Соктханри, Пхёдэ) периодов, показывает, что если в ранний и средний периоды температура обжига составляла 600–900 градусов, то в поздний она уже достигала 900–1100 градусов [Хан Мён Гор, 2006].

Подводя итоги анализа исследований по каменному веку, осуществленных северо-корейскими учеными в последние годы (2006–2011 гг.), нельзя не отметить, что характерной особенностью археологии в этой стране является большое количество раскопок с чисто исследовательскими целями, что стало возможным благодаря поддержке и вниманию со стороны руководства страны. Безусловно, огромное значение для мировой науки имеют раскопки на памятниках Пусибависан, Пхёдэ, Намгён и др. Большая рабо-

та проделана в долине р. Тэдоган, где была выявлена последовательность культур каменного века, продолжившихся затем в бронзе [История..., 2010. С. 3; Ли Сун Чжин и др., 2001. С. 212–214]. Обстоятельно изучены памятники, расположенные не только на нынешней территории страны, но и в соседних регионах, в том числе на северо-востоке КНР и в Приморье. Следует выделить и тематические исследования форм и орнаментов неолитической керамики, каменных орудий труда, украшений, жилищ. Многие работы соединяют в себе данные не только археологии, но и ряда смежных дисциплин: антропологии, ботаники, зоологии, химии, количественных методов и т. д. Благодаря, отмеченным особенностям исследования каменного века в северокорейской археологии в последние годы претерпели заметное развитие. Необходимо особо подчеркнуть, что корейские археологи широко используют материалы не только этнически близкого к ним Приморья, но и Сибири, и даже Урала. Хотелось бы, чтобы и российские ученые, особенно те, кто занимается археологией Приморья и Восточной Сибири, шире использовали материал своих корейских коллег.

Список литературы

- Воробьев М. В. Древняя Корея. М.: Вост. лит., 1961. 145 с.
- Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука, 1983. 216 с.
- Деревянко А. П. Древние культуры Кореи // Археология зарубежной Азии. М., 1986. С. 324–338.
- Ларичев В. Е. Палеолит Кореи // История и культура Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1976. Т. 4. С. 25–83.
- Ларичев В. Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 9–87.
- Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // Материалы к древней истории Дальнего Востока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 166–184.
- Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.

Ро Чхор Су. Об особенностях орнаментации неолитической керамики Кореи / Пер. с кор. С. В. Лаптева // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности Тихоокеанских стран Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010а. С. 110–119.

Чан У Чжин. О неправомерности теории «продвижения на юг» неолита Сибири / Пер. с кор. С. В. Лаптева // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности Тихоокеанских стран. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 101–109.

Встретим 60-ю годовщину основания КНДР блестящими успехами в археологических исследованиях // Чосон кого ёнгу. 2008. № 3. С. 2–3 (на кор. яз.).

История нашей партии, блестящее великое руководство и славный путь археологической науки // Чосон кого ёнгу. 2010. № 3. С. 2–4 (на кор. яз.).

Ким Гвань Хёк. Краткий очерк о керамике из черной глины, найденной на поселениях в районе провинций Хамгён-намдо и Рянгандо // Чосон кого ёнгу. 2009. № 1. С. 13–17 (на кор. яз.).

Ким Гвань Чхор. Об инвентарном комплексе памятника Бэйгоусишань // Чосон кого ёнгу. 2008. № 2. С. 10–13 (на кор. яз.).

Ким Ёнь Ган, Сок Гвань Чжун. Исследования памятника Намгён. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 1984. 232 с. (на кор. яз.).

Ким Сонь Ир. Антропологические особенности мужских черепных костей периода неолита с юга Приморского края // Чосон кого ёнгу. 2006. № 2. С. 42–45 (на кор. яз.).

Ким Сонь Ир. Антропологические особенности женских черепных костей периода неолита, найденных на памятнике Бойсманна-2 // Чосон кого ёнгу. 2008. № 2. С. 40–44 (на кор. яз.).

Ким Сонь Ир. Корейцы как автохтонная и гомогенная группа населения // Чосон кого ёнгу. 2009. № 1. С. 44–46 (на кор. яз.).

Ко Ёнь Нам. О неолите региона Северного Китая // Чосон кого ёнгу. 2008. № 1. С. 43–45 (на кор. яз.).

Ли Сун Чжин, Чжань У Чжин, Со Гук Тэ, Сок Квань Чжун. Культура бассейна Тэдонган / Пер. с кор. Цой О Сонь, Ким Си Сып. Пхеньян: Вэгукмун чхульпханса, 90 год чучхе (2001). 215 с. (на яп. яз.).

Ли Чу Хён. О неолитических памятниках Бэйхунцзуйцзы и Яохунцзуйцзы // Чосон кого ёнгу. 2008. № 3. С. 41–45 (на кор. яз.).

О Хэ Нам. Исследование каменных орудий периода палеолита с памятника Пусибависан в Соксонри, уезд Хвадэгун, пров. Хамгён-пукто // Чосон кого ёнгу. 2010. № 3. С. 9–12, 29 (на кор. яз.).

Пак Чхор. Керамика с орнаментом «в виде молнии» (ёлочным орнаментом), найденная на памятнике Пхёдэ // Чосон кого ёнгу. 2007. № 3. С. 7–9 (на кор. яз.).

Пак Чхор. Остатки жилищ и инвентарь, найденные на раскопе № 7 памятника Пхёдэ // Чосон кого ёнгу. 2008. № 2. С. 5–9 (на кор. яз.).

Пак Чхор. Ямы с инвентарем, найденные на памятнике Пхёдэ // Чосон кого ёнгу. 2009. № 3. С. 42–45 (на кор. яз.).

Пак Чхор. Следы жилищ и инвентарь второго слоя периода «керамики, сделанной на гончарном круге», найденные на восьмом раскопе памятника Пхёдэ // Чосон кого ёнгу. 2011. № 1. С. 29–33 (на кор. яз.).

Под знаменем великой политики «сонгун» к расцвету чучхейской археологии // Чосон кого ёнгу. 2007. № 4. С. 2–3 (на кор. яз.).

Ро Чхор Су. Об особенностях орнаментации неолитической керамики Кореи // Чосон кого ёнгу. 2008. № 3. С. 4–8 (на кор. яз.).

Ро Чхор Су. О неправильности теории «происхождения из Сибири» неолитической культуры Кореи с точки зрения анализа орнаментов на керамике // Чосон кого ёнгу. 2010б. № 3. С. 26–29 (на кор. яз.).

Со Гук Тхэ. Ареал распространения неолитической культуры Кореи // Чосон кого ёнгу. 2006. № 2. С. 2–6 (на кор. яз.).

Со Гук Тхэ. Типичные памятники первобытности и древности с островов в южных регионах Кореи // Чосон кого ёнгу. 2009. № 3. С. 2–5 (на кор. яз.).

Хан Мён Гор. Исследование температуры обжига керамики в период неолита // Чосон кого ёнгу. 2006. № 4. С. 26–30 (на кор. яз.).

Хан Ын Сук. Особенности формы бусин периода неолита в Корею // Чосон кого ёнгу. 2007. № 4. С. 4–6 (на кор. яз.).

Хан Ын Сук. Исследование изменений в орнаментации керамики в конце неолита – начале бронзового века в районе Пхеньяна // Чосон кого ёнгу. 2008. № 4. С. 7–9 (на кор. яз.).

Хан Ын Сук. О памятнике Сяочжушань в пров. Ляонин, Китай // Чосон кого ёнгу. 2010. № 2. С. 9–11 (на кор. яз.).

Хванъ Чхор Мин. Исторические изменения жилых домов в северо-западном районе Кореи // Чосон кого ёнгу. 2010. № 4. С. 42–44 (на кор. яз.).

Чан У Чжин. Неправомочность теории «сибирского происхождения» древних корейцев // Чосон кого ёнгу. 2006. № 3. С. 2–6 (на кор. яз.).

Чан У Чжин. О неправомочности «теории продвижения на юг» неолита Сибири // Чосон кого ёнгу. 2009а. № 3. С. 30–32 (на кор. яз.).

Чан У Чжин. В поисках наших предков в очень отдаленном прошлом. Пхеньян: Сахве

квахак чхульпханса, 2009б (98 год Чучхе). 208 с. (на кор. яз.).

Чан У Чжин, Чу Хак Сонъ. О характере памятника Тэхёндонъ // Чосон кого ёнгу. 2009. № 1. С. 3–5 (на кор. яз.).

Чжонъ Бонъ Чхан. О кроуновской культуре // Чосон кого ёнгу. 2011. № 2. С. 12–15 (на кор. яз.).

Чи Хва Сан, Ри Мёнъ Чхор. Об остатках неолитических жилищ из района № 1 памятника Ричхонри, часть 2 // Чосон кого ёнгу. 2009. № 1. С. 6–12 (на кор. яз.).

Материал поступил в редколлегию 03.09.2012

S. V. Laptev

**THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE AND NEW MATERIALS
ON THE STONE AGE IN THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA:
THEIR MEANING FOR THE ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN FAR EAST**

In this article we analyze the main findings in Paleolithic and Neolithic archaeology by the scientists from the Democratic People's Republic of Korea achieved in 2006–2011. In the recent time Korean archaeologists received from excavations and analyzed a number of new data on Stone Age. Such sites as late Paleolithic site of Pusibawisan, in Hamgyong-pukto Province in the North-Eastern part of the country, Neolithic layers of Pyodae settlement site in Pyongyang area and some others, revealed a rich material on the stone age of Korea, such as Paleolithic tools and half-finished products, for the first time discovered in Korea Neolithic pottery kiln, remains of dwellings, rich pottery material. The findings and research of these recent years not only further enriched our knowledge about the human activities of the middle and late Paleolithic in Korea, or in making more précised the comparative dating of late Neolithic sites in Taedonggang basin, territorial differences between different sub-regions and the «borders» between different cultural types, but also on their connection with the stone age sites in the Russian Far East, such as Ustinovka, Gromatukha, Boysmana, Krounovka etc. In this article we analyze the main results achieved by Korean archaeologists in the recent years and present a material to analyze and to think about for their Russian colleagues, who are working in next to the Korean Peninsula region.

Keywords: Korea, Primorye, North-East China, paleolithic, neolithic, Taedonggang, Pusibawisan, Pyodae, Namgyong, Boysmana culture.